

18+

АЛЕКСЕЙ СТОЖКОВ

Мироздание

Алексей Стожков

Мироздание

«Издательские решения»

Стожков А.

Мироздание / А. Стожков — «Издательские решения»,

Добро пожаловать в Древний Египет! А действительно ли он такой древний, как нам говорят? А если это лишь колыбель для тех, кого принято считать «человечеством»? Возможно, до эпохи людей существовали куда более могущественные и высокоразвитые цивилизации... Ответить на эти вопросы способно лишь Мироздание.

© Стожков А.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Глава 1. Двухполый Бог	9
Глава 2. Первый призыв	15
Глава 3. Подземный мир	20
Глава 4. Сладкая месть	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Мироздание

Алексей Стожков

Редактор Дарья Михайловна Прохорова

Иллюстратор Андреа Майснер

© Алексей Стожков, 2026

© Андреа Майснер, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-3267-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая

Глава 1. Двухполю́ый Бог

Древнее Царство. Верхний Египет. Около 2700 г. до н. э.

Яркое весеннее солнце, поднявшееся высоко в небо, дарило тепло и свет всему, что встречало на своём пути. Огненное божество всегда почиталось людьми и олицетворяло не только начало нового дня, но и начало жизни. Однако человек, смотревший сейчас на небесное светило, пребывал в прескверном душевном состоянии. Его одолевали мысли, приносившие то сострадание и жалость к себе, то безудержный гнев от безысходности.

Мужчину звали Тхем. Он был очень смугл, худощав и носил белые длиннополые хлопковые одежды, соответствующие титулу главного городского жреца. Бритая наголо голова на протяжении веков ассоциировалась в народе с максимальной чистотой и была неотъемлемой частью ритуального облачения. На голове мужчины красовался рисунок из двух золотых полос. Они начинались почти у самой переносицы и, немного огибая глаза снизу, поднимались вверх к затылку, образуя в соединении золотой круг. Этот солнечный знак бесконечности внушал крайнее уважение со стороны обычных людей и требовал обращаться к носителю фразой «Ур».

В нескольких часах пути на восток от Тхема находился его родной город Иаару, а впереди на западе протекала Великая священная река Итру¹. Народ Тхема боготворил эту реку. В сезон Ахет² боги наполняли Великую реку, и она, выходя из берегов, покрывала поля плодотворным илом. Спустя четыре полные луны вода отступала и жители Иаару начинали посевные работы. Выращивание тростника в этой области уже многие века было основным занятием местного населения. Собранный правильным образом тростник шёл прежде всего на изготовление папируса. Этот материал для письма ценился на вес золота, и торговцы, приходящие с обозами по реке из Нижнего Египта, с удовольствием обменивали на него зерно, овощные культуры и льняные ткани.

Теперь же, стоя на выжженной и потрескавшейся земле, Тхем лишь вспоминал те радостные и благодатные времена. Этот год был седьмым по счёту, когда священная река Итру даже на треть не разливала свои воды. Первые два года жрец ещё мог хоть как-то объяснять народу, что речной бог Хапи просто требует больших подношений. Уже тогда почти вдвое были увеличены пожертвования со стороны населения. Конечно, сам Тхем и его семья сразу почувствовали повышение достатка от подношений, которые ими смиренно принимались во имя Хапи, но засуха, поразившая эти края, не прекратилась. Мало того что на седьмом году не удалось собрать даже пятую часть урожая тростника по сравнению с годами благодати от Хапи, так ещё и сам город значительно поредел.

В третий год засухи Иаару покинули сразу четыре семьи. Это были молодые и полные сил работники. Хотя всё это выглядело не так существенно, потому что работы поубавилось вдвое. Стали ходить слухи, что где-то на севере, близ скалистых отвесных уступов появилось огромное поселение золотодобытчиков, и за следующие три года город лишился ещё около пятидесяти человек. Никакие увещания и обещания когда-то уважаемого жреца не могли остановить полуголодных жителей.

¹ древнее название реки Нил.

² период разлива Нила.

«Тебе не переубедить нас, жрец. Мы уходим, пока ещё вообще способны ходить», — твердили они, даже несмотря на угрозы.

Торговцы, путешествующие по Великой реке, тоже привозили свои передвижные прилавки с товарами всё реже. Теперь чаще всего это были просто одиночные менялы-швити, которые сновали вверх и вниз по течению на своих однопарусных лодчонках. А вот больших судов, когда-то ходящих за папирусом в Иаару регулярно, Тхем не видел уже давно.

В этом году жители города, всё-таки собравшие обессилившими руками то, что удалось взрастить, хотели использовать почти весь тростник в пищу. Плачь голодных детей и волна смертности за последний год были слишком пугающими. Каждый боялся, что на следующий сезон посадок тростника выходить будет просто некому. Но Тхем под страхом проклятия Хапи всё-таки смог заставить мастеров изготовить четыре сотни папирусных свитков. И вот сейчас, стоя под палящим солнцем уже несколько часов и вглядываясь в узенькую полоску далеко текущей реки, жрец увидел движущуюся по ней белую точку. Дыхание Тхема тут же участилось, а сердце заколотилось так, будто он только что бежал сломя голову.

— Храмовый барис³ Мемфиса⁴! — Задыхаясь от возбуждения, воскликнул Тхем.

Только такую громадину можно было разглядеть с расстояния двух часов ходьбы, и это была единственная надежда жреца в этом году.

Один раз в три года, в первой декаде сезона Шему⁵ величественный корабль служителей храма Птаха⁶ должен прибывать в Иаару и обменивать на свитки дорогое Средиземноморское зерно. Этот договор со жрецами севера Тхем держал от людей в секрете, чтобы всё выглядело невероятным благословением речного Хапи. С каждым таким прибытием, первую декаду окончания жатвы устраивались празднества, а подношения богу текли бурным потоком и оседали в личном хранилище Тхема.

С воодушевлением наблюдая, как белая точка остановилась прямо напротив города, смуглолицый мужчина стал уже обдумывать возможности укрепления своего авторитета среди жителей. Такое редкое событие, как приход служителей Высшего Бога, нельзя было упускать ни в коем случае.

В небольшом светлом помещении на деревянном возвышении прямоугольной формы лежал и немного постанывал человек. Этот мужчина преклонных лет имел жидкую седую бородку на морщинистом уставшем лице. Его истощённое тело было практически обнажено за исключением узкой полоски грубой тростниковой ткани, обёрнутой несколько раз крест-накрест в области таза. У правой ноги лежащего стоял другой человек и уверенно орудовал тонким острым металлическим инструментом с прикреплённой шёлковой нитью. Городской лекарь Имутес в данный момент зашивал несчастному рану от открытого перелома ноги в обла-

³ речное плоскодонное грузовое судно.

⁴ первый город-столица Египта.

⁵ период начала засухи после сбора урожая.

⁶ верховный бог египтян, творец мира.

сти голени. Сама же нога лежащего была уже плотно притянута кожаными ремнями к немного приплюснутым деревянным дощечкам с двух сторон. Сегодня после полудня искалеченного старика к Имутесу на руках принёс сын несчастного.

Ранним утром, ещё до восхода солнца, последняя группа обессиленных от голода людей вышла из Иаару в направлении реки, чтобы собрать остатки и без того скудного урожая тростника. Нести тяжёлые снопы в город большинству приходилось по двое, используя связанные наподобие носилок жерди. Лишь некоторые жители изрядно опустевшего городка могли себе позволить иметь деревянные одноколки⁷. Хвала богам, в семье старика и его сына ещё сохранилось столь ценное перевозочное средство. На половине обратного пути, в одиночку толкая гружённый тростником воз, сын услышал истошный крик отца позади себя. Оглянувшись, парень увидел родителя, завалившегося набок с гримасой боли на покрасневшем лице. Нога пожилого мужчины провалилась в широкую трещину на ссохшейся почве, которую несколько мгновений назад сам отпрыск объехал стороной.

«Видимо, от чудовищной усталости отец совершенно перестал различать дорогу под ногами и просто шёл наугад», — промелькнула мысль в голове парня и заставила броситься на помощь.

Дела с ногой обстояли — хуже не придумаешь. Мало того что кость ниже колена почти полностью переломилась, так ещё и острый её край разорвал тонкую кожу. Поднять лёгкое тело отца и усадить на одноколку, сбросив добрую половину тростника наземь, было делом минуты. Своей пропитанной потом рубахой сын как сумел перевязал рану и, существенно ускорив шаг, устремился к городу. Брошенный сноп тут же был подобран идущим следом другим горожанином. Этот счастливчик уже предвкушал увеличенную плату за внезапно доставшийся ему урожай.

Имутес сделал последний стежок шёлковой нитью и осторожно срезал остаток дорогого материала. Опытный лекарь знал, что только такая нить способна не размякнуть от крови и выделений и надёжно держать до полного заживления. Однако торговцы с севера просили за подобную редкость не меньше, чем отлично выделанную верблюжью кожу. Когда-то жители Иаару разводили в достатке этих невероятно выносливых животных. Вот только с приходом засухи оставшиеся животноводы скорее готовы были лишиться ноги, чем пустить верблюда в пищу раньше крайней необходимости. Порошка из заплесневелого хлеба у лекаря тоже почти не осталось, но он всё-таки обработал этим довольно действенным средством рану как положено. Ещё в далёкой юности Имутес научился от мастера врачевания такому свойству порошка снимать воспаление и быстрее заживлять. Поутихшая боль в ноге позволила измождённому бедолаге задремать, однако внезапно деревянная дверь в комнату с шумом распахнулась, и лежащий, резко дёрнувшись, снова застонал.

— Имутес, Имутес, большой караван входит в город! Они везут полные повозки еды! Боги услышали нас! — Раздался на пороге звонкий мальчишеский голос.

Лекарь лишь краем глаза глянул на вбежавшего двенадцатилетнего мальчика и, успокаивающе погладив по голове содрогнувшегося старика, еле слышно спросил:

— Нэд, а ты случайно не заметил с караваном какой-нибудь паланкин?

⁷ лёгкая одноосная тележка.

— Да, да, огромный паланкин! Весь в золоте! Его несут восемь слуг...

Возможно, от переполняющих эмоций юнец описал бы увиденное подробнее, но мужчина резко повернулся и, пристально взглянув на Нэда, произнёс:

— Никому не говори, что видел здесь этого человека. Сегодня ты вообще ко мне не заходил. Ты меня понял, Нэд?

Глядя на своего любимого наставника с широко открытыми глазами, темнокожий мальчуган закивал и через мгновение скрылся из виду. Теперь Имутес сам отчётливо слышал вдалеке приветственные крики жителей города. Но перед тем как он снова затворил дверь, его слух уловил среди общего шума имя, которого опасался больше всего:

— Да здравствует несравненная богиня Сехмет!

На южной окраине города Иаару, возвышаясь над всеми остальными постройками, расположился храм бога Хапи. Даже лучшие городские жилища, выложенные из кирпича-сырца, походили на жалкие лачуги по сравнению с этим каменным строением. Снаружи храм выглядел как гигантский куб с одним-единственным входом с западной стороны — точно в направлении Великой реки. Сам вход снаружи был украшен высоким сооружением трапецевидной формы. На этом массивном пилоне в виде резных рельефных фигур каждого входящего в храм встречали сидящие на тронах статуи древних правителей. Их взгляды были направлены в сторону огромного каменного алтаря на расстоянии около двухсот локтей⁸ перед входом.

В нескольких шагах западнее алтаря, будто бы пришедший со стороны реки за подношениями, стоял сам каменный Хапи. Высеченная умельцами из цельного куска базальта, высотой почти в два человеческих роста, эта статуя представляла собой тучного мужчину с большим отвисшим животом и женской грудью. На лице каменного бога, обнажая два ряда внушительных зубов, играла то ли суровая улыбка, то ли предвкушающий оскал. Облик Хапи исключал какую-либо одежду, помимо широкой набедренной повязки и короны в виде цветка лотоса. Не зря люди приписывали этому символу плодородия сразу и мужское, и женское начало. Божество олицетворяло собой равновесную силу реки. Как для щедрого урожая были в равной степени важны разлив и отлив вод священной Итру. Правая нога статуи, согнутая в колене, стояла на крокодиле с гигантской разинутой пастью. Огромные рептилии считались слугами речного бога, а потому были неприкасаемы.

Внутри храма, в тёмной маленькой комнатке у противоположной от входа стены, восседала ещё одна фигура этого речного божества. Однако она была гораздо меньше, и на идеально высеченном лице сияла улыбка добродушного толстяка. Обычные жители не смели заходить в это святилище, предназначенное для личного общения бога со жрецами. Именно поэтому сейчас тут, при свете масляных ламп и зажжённых на стенах факелов, стояли только Тхем и прибывший сегодня днём хранитель и толкователь священных текстов храма Сехмет жрец Сех-Хериб.

В отличие от более скромно одетого служителя речного бога, Сех-Хериб был облачён в белые льняные одежды с золотыми орнаментами и бело-жёлтую повязку. На чисто выбритой голове повязку облегал золотой обруч с изображением головы льва. Символы на обруче опи-

⁸ мера длины в Древнем Египте, равная приблизительно 52—53 см.

сывали, как сама Сехмет возложила на Хериба неимоверно трудную, но почётную обязанность слышать волю богов. В теперешней же миссии по поручению фараона Хериб направлялся на юг до самой Нубии, чтобы узнать, по какой причине боги гnevаются и все эти годы посылают засухи.

— Скажи, брат мой, ты подготовил для меня новые свитки? Я хочу записать всё, что передадут мне боги юга для предоставления доказательств нашему господину в Мемфисе, — холодным тоном произнёс Хериб спустя примерно десять минут молчаливого восхваления Хапи.

— Да, Слышащий, мы подготовили свитки, как обязались, даже несмотря на то, что почти встали лицом к лицу с могучим Осирисом⁹, — тихо вымолвил Тхем с неприсущей ему хрипотцой в голосе.

— Великий Птах и его мудрая супруга Сехмет вознаградят тебя и твой народ благодатными дарами за службу. Но позволь спросить: почему алтарь снаружи так скуден на подношения милостивому Хапи? — Голос Хериба не изменился, но глаза блеснули, будто бы пронзая Тхема насквозь.

— Последнее время люди сильно озабочены своим выживанием, — почти шёпотом выдал из себя жрец Хапи, сделав неимоверное усилие, чтобы сейчас же не упасть на колени.

— Идём, брат мой. Боги видят твои старания. Но народ твой, видимо, забыл, что жизни человеческие — это подарок богов, и с великой радостью должны быть отданы во славу их. Сегодня на закате за долгое время Бог Реки наконец-то возрадуется... — С этими словами Сех-Хериб вышел из святилища в открытый внутренний двор храма в сопровождении главного жреца, где их поджидали ещё шесть младших служителей.

⁹ бог загробного мира.

Тхем прекрасно понял, что имел в виду жрец богини Сехмет. Эта могучая и яростная супруга высшего бога беспощадно карала любого неверующего. А с верой у жителей Иаару было последнее время совсем плохо. Сам Тхем никогда бы не решился пожертвовать человеческие жизни в дар богам, но под покровительством Хериба он был защищён самим фараоном. Пока Слышащий Богов выходил из храма и садился в свой паланкин, Тхем дал распоряжение подготовить к божественному празднованию алтарь и привести к нему семью, от которых давно не поступало подношений. Пусть сама верховная Богиня в лице своего жреца решает их судьбы.

Глава 2. Первый призыв

Весеннее солнце уже завершало свой небесный путь, когда у храма Хапи собрались почти все жители города. Сегодня на закате должно было начаться празднование окончания сбора урожая. В прежние времена это событие сопровождалось всеобщей шумихой и песнями. Люди с улыбками на устах и благодарственными возгласами несли на алтарь речного бога богатые дары. Это были плетённые из стеблей тростника сандалии, циновки, корзины, небольшие предметы домашнего декора и мебельная утварь. Часто в корзинах можно было увидеть ткани, шкуры животных, вяленое мясо и даже традиционный, созревающий месяцами сыр. Всё это размещалось на широком камне перед статуей бога, обкладывалось сухими ветками, и, когда на закате тень от головы Хапи падала на подношения, поджигалось под восторженные крики.

Но сегодня корзины и большие деревянные чаши в руках пришедших на праздник были пусты. Кое-кто держал свёрнутые мешки и куски материи, чтобы можно было что-нибудь в них завязать и унести с собой. На измождённых голодом лицах людей не наблюдалось даже намёка на веселье. Лишь надежда на выживание снова заиграла на них, когда с привезённых телег обоза были сняты защитные покрывала. Выстроенные полукругом за спиной каменного бога под охраной копейщиков больше десяти ломящихся от снеди повозок притягивали к себе взгляды окружающих.

Однако кое-что ещё будоражило умы пришедших на праздник, кроме привезённой с севера еды. Возле пустого каменного жертвенника, обложенного сухими поленьями, у ног статуи на коленях стояло трое горожан. Этих людей тоже охраняли, а рядом с ними в выжидательной позе стоял сам Тхем.

— Что это значит, верховный Ур? Почему эти люди стоят, словно пленники? — Раздался женский голос откуда-то из толпы.

— Да, да... — слышались возгласы отовсюду.

— В чём их вина?.. — с нарастающим шумом вторили вокруг другие.

Внезапно весь этот гомон смолк, потому что занавеска стоящего неподалёку паланкина отёрнулась, и из него вышел Сех-Хериб. Он двигался в направлении коленопреклонённых совершенно бесшумно, держа над головой на вытянутой руке статуэтку из чёрного камня. Это было высеченное изображение богини Сехмет. Верная супруга и спутница творца мира Птаха имела изящные женские формы тела и голову львицы. Широкое золотое оплечье покрывало роскошную высокую грудь, а вместо короны в густых каменных волосах красовался золотой солнечный диск. Гнев этой яростной царицы богов и людей падал в первую очередь на тех, кто потерял веру, и поэтому появление её жрецов обычно не сулило ничего хорошего.

— Жители города Иаару! — Громогласно прозвучало обращение Сех-Хериба, когда он остановился в нескольких шагах от молящихся на коленях людей. — Сегодня, в день окончания сбора урожая, мы празднуем и восхваляем богов за те милости, что они посылают нам. Но знаете ли вы, что боги в это время обращают свой взор на нас. И что же они видят? — Жрец демонстративно указал на пустой каменный алтарь рядом с собой. — Большинство из вас даже в трудные времена чтят священные традиции, но некоторые... — Теперь Хериб указывал на несчастных у своих ног. — ...Видимо, потеряли веру. Я же, Служащий Богов, пришёл, чтобы

божественная милость снова снизошла к вам. И сегодня пусть сама Сехмет решает: карать или даровать жизни!

С этими словами Сех-Хериб сделал шаг к ближайшему стоящему на коленях пожилому мужчине и чуть коснулся чёрно-золотой статуэткой темечка его головы. Мужчина вздрогнул и несколько мгновений спустя повалился ничком наземь. Ропот прокатился среди людей, созерцающих это действие. Они своими глазами только что видели, как дух богини в облике безобидной каменной фигурки покарал человека. Сех-Хериб снова поднял Сехмет над головой в направлении заходящего солнца и сделал шаг к пожилой женщине, глаза которой застилали слёзы. Ужас и горе раздирали её изнутри. Возле коленей женщины, завалившись набок, лежал муж бедняжки. Она глядела в его уже остекленевшие открытые глаза, как вдруг почувствовала на шее острую боль, похожую на пчелиный укус. Мрак бессознательности поглотил её тоже.

Третьим, избранным Тхемом для жертвоприношения речному Хапи, был сын пожилой пары. Жрец понимал, чтобы избежать бунта горожан, желательно выбрать именно семью. У этих людей по возможности не должно остаться близких родственников для выражения недовольства или мести. И кроме того, сегодня этот юноша сдал жрецу почти двойную норму собранного тростника. А во времена многолетнего голода Тхему совершенно не хотелось отдавать в качестве оплаты удвоенную порцию привезённого зерна и овощей.

— Не-е-ет!.. — Раздался душераздирающий вопль юноши, когда рука с каменной богиней уже нависла над ним.

Острое зрение молодого парня позволило ему краем глаза разглядеть, как из стоп фигурки торчит что-то очень тонкое и блестящее. Сам Сех-Хериб пытался тщательно скрывать это секретное приспособление от зрителей, но юноша сообразил, что его родителей убила вовсе не богиня, а именно это потайное жало.

— Я знаю, почему Хапи гневается на нас и почему его гнев сдерживает воды Итру! — завопил парень и закрыл глаза ладонями, чтобы не видеть приближения смерти.

— Говори, — услышал юноша холодный голос жреца и ощутил озноб, как в преисподней Осириса.

— Сегодня днём Хапи сам выбрал себе человека для жертвы. Когда мы шли с урожаем в город, тот человек упал и сломал себе ногу. Однако сын упавшего украл у речного бога его собственность. Я видел, как он отвёз отца в дом лекаря. Теперь и на следующий год нам не получить от Хапи благодати изобилия...

Пока осиротевший молодой человек, рассказывая всё это, пытался изо всех сил сохранить свою жизнь, Сех-Хериб глядел на Тхема. Пожилой жрец уже всю суетился, отдавая распоряжения младшим по рангу. А когда четверо послушников бросились в направлении города, из толпы перешёптывающихся зрителей вышел мужчина средних лет с коротко остриженными волосами пепельного цвета. На его бёдрах, как и у остальных горожан Иаару, была широкая набедренная повязка-схенти. Однако, в отличие от большинства других мужчин, этого выделяла одежда, похожая на широкополую драпированную по форме тела рубаху.

— Не думаю, что боги, смотрящие на нас, сейчас рады видеть смерти жителей и без того умирающего города, — проговорил спокойно вышедший тридцатилетний мужчина.

Практически все жители сразу узнали этот умиротворяюще-уверенный тембр голоса. Даже в тяжкие дни длительной хвори голос Имутеса внушал больным надежду на скорое исцеление. Лекарь смотрел на Сех-Хериба прямым взглядом, но внутри жреца появилась твёрдая уверенность, что дерзкий нарушитель обряда подношения каким-то образом разгадал секрет мгновенной «божественной кары».

— Да кто ты такой, что посмел вмешаться в дела богов?! — громогласно, пряча неуверенность, воскликнул жрец и отвёл статуэтку Сехмет немного за спину.

— Моё имя Имутес, и я тот, кто помог сохранить жизнь человеку, которого сейчас приволокут для расправы. И уж вы мне все поверьте, — теперь лекарь повернулся лицом к стоящим за спиной. — Этот несчастный оступился и сломал ногу потому, что уже несколько дней ничего не ел. Вряд ли он вообще сможет полностью прийти в себя, когда его тут казнят...

— Молчать! — Не в силах сдержать себя, проревел Сех-Хериб. — Стража, взять его! Может быть, тогда расскажешь этим людям, почему боги, видя, как голодают их дети, уже много лет насылают засухи? Пока я не отрезал твой поганый язык.

Двое воинов с копьями тут же подскочили к Имутесу и приставили остро заточенное оружие к его шее. Некоторые из стоящих в первом ряду зрителей рванулись на помощь хорошо знакомому им лекарю, но тот движением руки остановил их.

— Друзья мои, разные времена повидали мы с вами. Годы изобилия всегда сменялись более тяжёлыми. Боги никогда не говорили, что жизнь будет весела и безмятежна. Так не то ли сейчас пришло время, в котором нам суждено сплотиться ещё сильнее, чтобы помочь самым слабым из нас? И не наше ли единение возрадует богов более всего, нежели кровь этих напуганных или неспособных самостоятельно двигаться людей, — говоря всё это, Имутес снова повернулся к алтарю, чтобы жестом указать на принесённых в жертву, но высокий силуэт Сех-Хериба вырос перед ним.

Каменная статуэтка Сехмет своим ядовитым шипом больно вонзилась в грудь лекаря, и эта боль растворилась в опустившейся на его разум пелене мрака.

*Шестое измерение октавы Млечного Пути. Планета Венера.
Планетарное поселение Сеус*

У подножия материкового пика на тропе коричневатого-серого цвета остановилось существо. Это была высокая фигура, будто бы сотканная из света. Серебристое одеяние свисало прямыми струящимися потоками с очень узких плеч до самой тропы. Цвета мира вокруг разделились на две скудные палитры: коричневый и коричневатый-серый ландшафт перекликался с тёмно-синими небесами и голубыми вкраплениями на них. Сама светящаяся фигура замерла для того, чтобы ещё раз обернуться на видневшиеся вдалеке бескрайние радужные купола своего дома перед тем, как подняться в гору. Внезапно, будто услышав призыв сверху горы, существо вспыхнуло и продолжило путь уже с более ярким свечением.

Лёгкое и быстролетающее передвижение светящейся фигуры по коричнево-серому пути склона постепенно замедлялось. Серебристое одеяние существа начало таять, и из-под него стали чётко проглядываться стройные формы тела. Они не были уже похожи на свет, а скорее напоминали глянцевое золотое покрытие статуи. Новое золотое лицо теперь уже идущего в гору тоже приобрело очертания. Две образовавшиеся глазницы смотрели прямо перед собой, и из них продолжал истекать свет. В центре золотого лица сформировался приплюснутый с боков бугорок, напоминающий не то подобие носа, не то птичий клюв.

Постепенно менялся не только облик двигающейся фигуры, но и окружающий её мир. К тому времени как золотой путник добрался до вершины горы, поверхность планеты сначала сменилась на грязно-рыжий цвет, а потом и вовсе скрылась за густым туманом. Вокруг всё чаще стали появляться разряды молний, а голубые небесные вкрапления — казаться белыми. Идущего по склону золотого гиганта такие изменения нисколько не смущали. Сила сознания этого существа позволяла перемещаться из своего родного шестого измерения в третье, оставаясь при этом в той же точке галактики. Информация о третьем измерении родной планеты этой звёздной системы навсегда сохранилось в памяти народа Сеус.

...Когда-то, очень давно, третья мерная плотность второй планеты солнечной системы была густо заселена. Само население называло себя народом Аррау, но через тысячи поколений изменилось до простого Ра. Это был один народ, без особых дифференциаций по цветам кожи и языковым особенностям. Даже гендерные различия не приводили к мыслям о дискриминации или неравенстве. Все возможные конфликты лишь несущественно смещали внимание с главного интересующего их вопроса: «В чём смысл существования?» Творчество и критическое мышление всё ближе и ближе подводило новые поколения жителей этой планеты к переходу от заботы о личном благополучии к пониманию единства всего мироздания. Всё чаще стали появляться потомки с зачатками когнитивного мышления, эмпатическими связями и даже телепатией. Вербальное общение постепенно исчезло, как пережиток субъективной значимости. И вместе с этими новыми энергиями произошёл планетарный переход в новую — четвертую плотность октавы Вселенной.

Обновлённые к эволюционировавшему сознанию, тела народа Ра позволяли уже не опираться на прямолинейные законы пространства и времени. Внешний мир больше не выглядел как непрекословный континуум, а новые воплощения от инкарнации к инкарнации теперь не приводили к забыванию опыта предыдущих жизней. И вот тогда-то они узнали, что другие высшие существа всё это время присутствовали рядом с народом Ра и без прямого вмешательства оказывали поддержку. Невидимые для восприятия физической мерности, они создавали энергии и способствовали передаче и формированию новых идей.

Теперь же, осознавая всё творение с более объективной перспективы, ликование и всеобъемлющая благодарность народа Ра зародили новые энергии, и эти потоки целой цивилизации дали толчок для формирования новой жизни. Ра упростили высших существ преподнести в дар для начинающейся жизни — новый дом. И этим домом стала третья по счёту орбитальная планета их родной звезды...

Житель планетарного города Сеус стоял на пике материковой возвышенности в обновлённой, подходящей для третьего измерения, телесной оболочке. Некоторое время назад он вызвался добровольцем, чтобы встретиться и лично поприветствовать первого из рода людей, кто засиял мыслями о единстве человечества со всем творением. Эти мысли ощутили многие Сеус, что ознаменовало первый крохотный шаг человечества к предстоящему переходу.

— Так не то ли сейчас пришло время, в котором нам суждено сплотиться ещё сильнее, чтобы помочь самым слабым из нас? И не наше ли единение возрадует богов более всего, нежели кровь этих напуганных или неспособных самостоятельно двигаться людей, — эти слова человека с соседней планеты были услышаны стоящим на пике существом даже сквозь треск разрядов молний вокруг. Но вдруг воспринимаемый поток слов с голубой планеты неожиданно прервался. Не медля ни единого мгновения, вокруг золотого гиганта образовался световой вихрь, и яркая вспышка света поглотила его.

Глава 3. Подземный мир

Древнее Царство. Верхний Египет. Около 2700 г. до н. э.

Двое людей в мягких бесшумных сандалиях и укороченных набедренных схенти под палящими лучами солнца осторожно ступали вдоль берега широкой реки. Первым шёл мужчина лет сорока, пригнувшись по возможности ниже к земле. Его гибкое худое тело было напряжено и готово в любой момент совершить прыжок. Он всматривался в нагромождения каменных валунов, к которым они приблизились. Следом за ним, стараясь повторять каждое движение своего наставника, крался двенадцатилетний Имутес. Мальчик уже год обучался тайным знаниям врачевания у городского лекаря.

Все мужчины семьи Имутеса были потомственными охотниками и славились мастерством отлова речных уток сетями. Но в прошлом году, собираясь с отцом и братьями на охоту, проживающий по соседству врачеватель попросил мальчика принести особый вид травы с берегов Итру. Он показал Имутесу всего лишь часть высушенного цветка, и, какого же было удивление мужчины, когда юнец принёс целый свёрток отборных и аккуратно собранных растений. В награду за труд мальчуган получил деревянную баночку с мазью от укусов насекомых. С тех пор практически каждая охотничья вылазка Имутеса сопровождалась ещё и поиском целебных трав для заказчика-соседа.

Однажды сам лекарь принял большой заказ от приезжего торговца. Нужно было за время нахождения того в городе изготовить двадцать керамических флаконов чудодейственной мази, снимающей телесную боль. Лишь немногие целители всего Египта владели знаниями для приготовления подобного бальзама. Основными ингредиентами для него служили верблюжий жир и яд речного урея¹⁰. И если первый можно было легко обменять у местных жителей, то добыть яд представлялось делом крайне опасным и противозаконным. Проблема состояла в том, что речной аспид обожествлялся практически всеми жрецами. За смертоносные укусы уреев часто изображали не только на изваяниях правителей, но и самих богов. Они символизировали защиту и неприкосновенность. Но эти же правители готовы были отдавать любые богатства тому, кто способен снять или хотя бы снизить боли стареющего со временем тела.

Тогда Имутесу было доверено лишь выпаривать влагу из жира и доводить основу до нужной консистенции. Но сегодня он шёл следом за наставником, чтобы увидеть непосредственный способ добычи яда из пасти священной змеи. Аспиды обитали близ водоёма, предпочитая горы и каменные завалы. Время для выслеживания выбиралось самое жаркое — тогда, как показывал опыт, проще всего удавалось избежать резкого броска со смертельным укусом. Оба крадущихся охотника держали в руках длинные палки с рогатинами на конце, но и это не гарантировало полную безопасность данного мероприятия.

Вдруг идущий первым мужчина замер, осматривая грудку камней впереди. Ученик тоже мгновенно остановился и, глядя из-за спины, пытался выяснить причину остановки. Лекарь указал пальцем на изогнутый в камнях предмет бронзового цвета. Часть змеиного хвоста лежала, поблёскивая на солнце, и эта часть была длиной не меньше двух локтей. Голова и всё остальное тело пряталось между валунами. Мужчина знаком показал Имутесу оставаться на месте и, держа рогатину наготове, двинулся к аспиду.

¹⁰ змея — устаревшее название.

Прокравшись около десяти шагов, змеелов ухватился за тёмно-коричневый хвост и, вытянув из расщелины столько змеиного тела, сколько видел снаружи, прижал её деревянным приспособлением к каменистой почве. Обычно длина уреев никогда не превышала четырёх локтей, но этот оказался гораздо крупнее.

— Срочно, помоги мне удержать его, — крикнул лекарь ожидающему позади мальчику. — Держи за хвост и дай мне свою рогатину, — продолжал мужчина, ощущая, как мощно извивается змей, стараясь либо уйти в расщелину, либо высвободить остальное тело наружу. — Ну же, скорее. Иначе он вырвется... — снова закричал он, понимая, что мальчик не идёт.

Лекарь оглянулся и застыл, не веря своим глазам. Другая гигантская змея находилась в двух шагах от его ученика и, поднявшись в полный рост Имутеса, раскрыла свой капюшон. Мальчик, скованный ужасом, смотрел в глаза раскачивающемуся из стороны в сторону смертоносному гаду, не в силах отвести взгляд от разинутой пасти и подвижного раздвоенного языка.

— Имутес-с-с, — человеческим голосом прошипел змей и...

Вздрогнув всем телом, Имутес проснулся, задыхаясь от нехватки воздуха. Тяжело дыша и пытаясь понять, где он, мужчина стал озираясь по сторонам. Вокруг висела крошечная тьма и ощущался чётко различимый запах гари. Опершись на левую руку, чтобы приподняться, Имутес почувствовал боль под ключицей и тут же вспомнил произошедшее накануне. Незначительная рана, которую он ощупывал, уже покрылась кровавой коркой.

— «Значит, либо яд жреца не был так силён, либо тот укус в детстве помог мне сейчас выжить», — пронеслось в голове мужчины.

Тогда второй змей действительно напал на мальчика. После болезненного укуса в руку юнец потерял сознание, а очнулся уже в доме своего учителя. Лекарю-наставнику удалось не допустить распространение отравляющего организма вещества, однако, как ему удалось справиться с двумя аспидами, учитель не рассказал. Как бы то ни было, даже сейчас, не считая колотой ранки, все кости при осмотре на ощупь казались целыми, и у Имутеса даже получилось встать на ноги.

— Учитель! Учитель, я знал, что вы живы! — слышался знакомый мальчишеский голос.

Мужчина посмотрел вверх и увидел на фоне кружочка звёздного неба маячащую голову.

— Нэд, уходи отсюда, тебя накажут за то, что ты говоришь со мной, — переживающим приглушённым тоном заговорил Имутес и замахал рукой.

Теперь он понял, где оказался. Яма, в которую его бросили, находилась на севере города и служила для сжигания мусора и отходов тростника. Сюда также регулярно сбрасывали внутренности после освежевания домашних животных и дичи. А в этот раз таким отбросом оказался человек, выступивший против традиций и безоговорочной правоты жрецов. Голова Нэда ненадолго исчезла, и сверху к Имутесу опустилась узкая плетёная лестница.

— Мы держим, вылезайте! — слышался приглушённый окрик мальчика.

Яма была глубиной примерно в два человеческих роста, и без посторонней помощи выбраться наружу было просто невозможно. Мужчина в яме попробовал натяжением спасительный путь из плетёного тростника и, убедившись в надёжности, стал карабкаться вверх. Оказавшись у верхнего края, Имутеса подхватили крепкие мужские руки и помогли подняться. Перед ним, кроме самого Нэда, стояли ещё молодой и пожилой жители города. Это были старший брат и отец мальчика.

— Как хорошо, что сегодня наша очередь вывозить мусор, — улыбаясь, произнёс молодой мужчина, указывая на одноколку с туго перетянутыми сухими остатками от стеблей.

— Не будем медлить, — сурово добавил его отец, и уже через некоторое время добрая половина ямы была завалена отходами. — Уходите сейчас. Мы разожжём огонь, когда вы отойдёте на какое-то расстояние, — снова проговорил отец мальчика, когда тот повис на своём учителе с прощальными объятиями.

При свете нарастающей луны и мерцании звёзд на север от города Иаару уходил человек. Если бы он сейчас оглянулся, то в ночи пустынной равнины смог бы ещё разглядеть маленький огонёк полыхающего из ямы костра. Но в своих мыслях Имутес уже оставил город, в котором родился и провёл тридцать лет жизни. Он сжимал в руках мягкую сумку с кожаной флягой питьевой воды и небольшим куском вяленого мяса, подаренную семьёй Нэда. Впереди открывались бескрайние иссушающие пески, но почему-то именно в них идущий человек видел своё спасение. Не исключено, конечно, что под спасением, чувствующий в этом огромном мире полное одиночество, Имутес подразумевал смерть.

Уже несколько часов подряд сильнейший пустынный ветер, поднимая с поверхности земли песок, создавал непроглядную мглу на всей территории вокруг. Ни один человек не смог бы увидеть ни высоко стоящего в небе солнца, ни единого живого существа, даже если бы оно находилось всего в паре шагов. Но было внутри разбушевавшейся стихии нечто, чему не требовались глаза для видения. Оно наблюдало, как в самом центре бури лежал полуживой человек, постепенно заметаемый песком. Больше двух часов назад лежащий надел на голову пустую матерчатую сумку, в которой ещё утром оставалась фляга с последним глотком воды. Теперь эта небольшая защита позволяла ему хоть как-то дышать.

Ещё недавно будоражащая мысль окончательно покинула сознание Имутеса. И мысль эта была: «Почему?». Почему он не умер от укуса змеи в детстве? Почему яд жреца убил других, но не его? Почему ему помогли выбраться из ямы, в которой даже если бы он не сгорел, то умер от жажды за пару дней. И вот теперь, не в силах пошевелиться, он умирает среди песков.

Но что-то внутри Имутеса не позволяло сдаться. Мужчина собрал последние силы, встал на колени и, сорвав тряпичный мешок с головы, закричал:

— Боги! Я знаю, что вы есть! Этот мир не может быть одиноким, как я! Я готов к встрече с вами!..

Песок бил кричащему человеку в лицо, не позволяя открыть глаза. Прикрываясь обеими руками от ураганного ветра, Имутес закашлялся из-за нестерпимой сухости в горле и рухнул в изнеможении.

— Ты не одинок, мой друг. И никогда таковым не был, — слышался где-то совсем рядом спокойный мелодичный голос.

Лёжа лицом вниз и закрывая голову руками, Имутес прислушался. Ни завывания ветра, ни трепыхания разорванной в нескольких местах одежды на теле, ни быющего по ногам песка. Ничего. Только покой и полная тишина. Вдруг кто-то осторожно тронул его за плечо. Имутес вскочил и стал озираться по сторонам. Солнца на небе всё так же не было видно из-за песка вокруг, но этот песок будто бы замер, повиснув в воздухе. Теперь висящие частички испускали слабое золотистое свечение, а в десяти шагах впереди высотой в два человеческих роста стоял золотой исполин. Очертания этого высокого существа несколько расплывались из-за золотого марева вокруг, но это совершенно точно не было обманом зрения. Из глазниц исполина исходил чистейший белый свет, возможно, благодаря этому Имутес почувствовал от него теплоту и доброжелательность.

— Я что, умер? — спросил мужчина, продолжая разглядывать гиганта.

— Это действительно для тебя сейчас так важно? — услышал Имутес тот же голос, хотя золотое лицо стоящего напротив даже не шевельнулось. — Что бы ты хотел спросить у того, кто сможет ответить на любой твой вопрос? — продолжил звучать голос, и теперь ошеломлённый человек вспомнил, где раньше его слышал.

Таким голосом когда-то говорил отец Имутеса. В первый год засухи во время очередной охоты на отца и братьев напал огромный крокодил. Обычно рептилии избегали встреч с людьми, но первый голодный год тоже застал врасплох этих речных владык. Тем летом отец погиб, а спустя два года братья уехали на север в сторону золотых рудников. Молодой Имутес отказался ехать с ними, потому что в то же время умер его наставник-учитель и он остался единственным врачом во всём Иаару. Теперь же, спустя семь лет, мужчина готов был поклясться, что слышит погибшего отца.

— Прощу прощения, — снова раздался голос, — у меня нет своего голоса для тебя, поэтому мне показалось наиболее подходящим, если ты услышишь того, к кому испытывал тёплые чувства.

После этих слов Имутес понял, что его золотой собеседник может не только читать мысли, но и видеть человеческие воспоминания. «Вероятно, он уже знает и все возможные вопросы? Зачем же тогда ждать, пока я их задам?» — снова промелькнула мысль в голове мужчины.

— Я бы хотел знать, зачем живут люди? Или точнее, что послужило причиной появления человека? Служить богам? Я не верю, что люди — это просто ещё один вид животных на этой земле... — Имутес попытался собрать весь хаос в голове в одну понятную мысль.

— Я вижу, что ты пытаешься найти в своих вопросах, и я покажу тебе, — снова прозвучал голос, и твердь обрушилась под ногами человека.

Огромная воронка, образовавшаяся в земле, поглотила Имутеса вместе с песком. От внезапного падения в бездну его дыхание замерло, и вот теперь он точно попрощался с жизнью. Мужчина стиснул зубы, закрыв лицо руками. Человек ждал, что вот-вот разобьётся или гро-

мадная сыпучая масса раздавит его тело. Однако ничего этого не происходило. Наоборот — необычайная лёгкость передавала ощущение полной свободы.

— Смотри! — сказал голос, и Имутес открыл глаза.

Окутанный золотым облаком, бывший лекарь небольшого городка парил над зелёными просторами холмов и невысокими рощицами. Яркие краски растительности вокруг иногда сменялись лазурного цвета водоёмами. Даже с высоты своего полёта он видел плавающих в озёрах рыб всевозможных расцветок. Такого ощущения детского восторга мужчина не испытывал никогда в жизни. Все недавно терзающие его мысли и тревоги исчезли в один миг. Каким-то образом Имутес понял, что может управлять полётом. Но было в этом удивительном мире нечто, привлекающее внимание больше всего: здесь просто совершенно отсутствовало небо. Там, где обычно человек в дневное время привык наблюдать небесную голубизну и солнечный диск, было что-то вроде каменного купола. Этот, казалось, бескрайний свод оттенял расцветками — от пурпурно-красных до тёмно-коричневых. Однако источник света, напоминающий Солнце, тут всё же присутствовал. Где-то вдаль, совершенно не ослепляя, на большой высоте нечто испускало тёплое завораживающее свечение. Именно туда устремился Имутес, набирая скорость.

По мере приближения к источнику света человек видел, как зелёные холмы закончились и сменились грандиозными дворцовыми комплексами с соединяющими их галереями. Все дворцы, с их арками, колоннами и открытыми переходами, были выполнены из одного и того же белого камня. И если бы не невероятная колоссальность архитектуры, то Имутес мог предположить, что этот гигантский город вырезан из цельного монолита.

— Это последнее пристанище ваших предков, мой друг, — снова прозвучал уже знакомый голос. — На поверхности земли тоже сохранились крупницы их пребывания. Правда, все остатки бывшего могущества, как и этот город, ничтожны по сравнению с тем, что было разрушено ими же самими.

— Они все погибли? — внезапно зависнув в воздухе, вскрикнул Имутес.

— Не стоит за них волноваться, — всё так же мягко отвечал голос. — Они свершили своё предназначение. И даже больше — оставив после себя наследие.

— Наследие — это мы? — спросил Имутес и совершенно не обратил внимания, что ответа не последовало.

Продолжая плавно передвигаться по воздуху и рассматривать город, мужчина приблизился к источнику света в этом подземном мире. Над необычной по форме конструкцией парил прозрачный кристалл размером с храм Хапи. Сама конструкция представляла собой белокаменную квадратную гору, симметрично сужающуюся от основания к вершине. И вершина вместе с кристаллом доходила до каменного свода.

Это было очень странно, но чем ближе подлетал Имутес, тем более рассеянным казалось свечение. Издалека источник света выглядел чрезвычайно ярким, но сейчас, подлетев практически вплотную, этот кристалл был просто прозрачным и чистым. Теперь только одно желание овладело всеми помыслами крохотного по сравнению с камнем человека. Имутес протянул руку и, заворожённый красотой перед собой, коснулся камня. Лишь яркая вспышка света запечатлелась в сознании мужчины. В следующий миг ему послышался женский голос, напевающий странную песню.

Глава 4. Сладкая месть

Ханаан. Элим — самый северный город-порт моря Хеха¹¹. Около 2700 г. до н. э.

— Где эта сумасшедшая девчонка? Я привяжу её к ноге, когда найду! Опять она стащила нашу питьевую воду, чтобы раздать этим нищим!? — Проклятия и ругань почти без остановки сыпались от человека,двигающегося напролом через оживлённый портовый рынок к местному храму для подношений богам.

Это был Садар — особо приближённый к Владыке Египта по делам внешней торговли. За последние несколько лет засухи дела внутри Великого Царства шли всё хуже и хуже. Небольшие города приходили в упадок, а мелкие поселения и вовсе вымирали. Жрецы Египта безрезультатно приносили жертвы богам в надежде на их милость. Но Садар был далёк от религии. Он видел спасение непререкаемого могущества своего фараона в активной торговле с Ханааном и самим Пунтом.

Много месяцев назад караван Садара, состоящий из двух сотен верблюдов и пятидесяти повозок, вышел из Мемфиса в город Библ. Находясь на восточном побережье крайне опасного моря Уадж-Ур¹², этот город уже не одну тысячу лет считался центром торговли Ханаана. Уникальное расположение Библа на перекрёстке первых цивилизаций делало его для египтян многообещающим для продажи другим народам папируса. А за последние годы засухи он вырос в своей ценности почти втрое. Не зря все эти годы на египетских жрецов была возложена миссия повышенного сбора писчего материала. И в этот раз, несмотря на упадок в стране, Садар продал грекам папирус, запросив вдвое больше ценного для египтян серебра, редкой древесины и оливкового масла. Небольшую часть масла от него ждали элимские купцы, чтобы перепродать пунтианцам. Но в этот раз, прибыв из Библа в Элим, Садару посчастливилось самому договориться о сделке с мореходом из заморского Пунта. И теперь, прилично сэкономив на перекупщиках, он привезёт своему владыке не только благовония, чёрную краску для глаз и слоновую кость, но и шесть новых рабынь.

Правда Садар тоже не выглядел как пресыщенный торговец. Широкий торс и могучие руки египтянина сами по себе внушали уважение, а угольного цвета глаза и низкий тембр голоса почти всегда перевешивали весы сделки в его сторону. Кроме того, за широким поясом этого громилы более чем красноречиво всегда располагались два широких клинка. И никто из служителей богини Хатхор¹³ не хотел бы лично убедиться в мастерстве владения ими самого хозяина. Именно поэтому сейчас один из купцов, не получивших обещанное масло от Садара, увидев того на рынке, испытывал глубочайшую ненависть. Это чувство распространилось на всех египтян вместе взятых. А страх к могучему иноземцу только подпитывал эту злобу, рождая внутри хитроумный план мести.

Садар тем временем в сопровождении еле поспевающих за ним двух своих воинов, вышел к обветшалому храму. В небольшом дворике перед входом среди сидящих на земле людей в лохмотьях он сразу приметил молодую черноволосую девушку в восточном, закрывающем

¹¹ Красное море.

¹² Средиземное море.

¹³ покровительница торговцев и мореплавателей.

тело наряде. Она — единственная из купленных им рабынь, которую не стали связывать. Торговый посол фараона рассчитывал именно её лично преподнести своему господину, поэтому не хотел, чтобы на нежной коже этой восточной красавицы остались следы от пут.

— Если ты ещё раз выйдешь с повозки, то всю дорогу не сможешь даже двинуться! — рывкнул Садар и схватил непослушную рабыню за волосы.

От неожиданного рывка девушка выронила небольшой ломтик душистого хлеба, который хотела передать слепой старухе, сидящей на ступеньке у входа в святилище. Бездонные голубые глаза беглянки встретились с чёрным, полным гнева взором египтянина. Если бы не эта девчонка, то караван уже бы двигался из Элима в направлении дома. А сейчас сердце Садара жаждало именно этого.

— Ты что, раздала всю свою еду и воду этим оборванцам? — снова спросил Садар уже более спокойно, взглянув на валяющийся в пыли хлеб. — Учти, сегодня ты не получишь ни крохи. Я научу тебя беречь запасы еды, — в голосе главы каравана теперь улавливались нотки ликования.

День-два голода, возможно, пойдут даже на пользу этой своевольной рабыне. И уж точно за это время столь гибкое и юное тело не успеет потерять свою красоту и шарм.

Садар толкнул молчавшую всё это время девушку в руки подошедших воинов и, с вернувшимся к нему опять хладнокровием, скомандовал:

— В повозку её к остальным рабам. Выступаем в Мемфис. Срочно.

На лице наблюдавшего всё это со стороны человека в зеленоватом плаще заиграла злорадная ухмылка. План отмщения в голове полностью созрел, и после последних слов египтянина он скрылся в рыночной толпе.

В портовой части Элима, в таверне «Коралловый риф», за столиком второго яруса трое мужчин с закрытыми лицами и скрывающими тела одеждами внимательно слушали смуглого человека в плаще фиашкового цвета. Местные разносчики пива и финикового эля в первую очередь обслуживали именно этот ярус. За верхними столиками обычно располагались либо сановники, либо богатые торговцы. Все стулья с невысокими спинками тут были устланы хананскими узорными коврами, а приличные расстояния между столами позволяли вести приватные беседы.

— Так ты говоришь, что его караван охраняет около сотни воинов? — Задал вопрос один из троих слушавших человека в плаще. — Это очень много. Нам придётся собрать всех своих людей, — добавил он, нахмутив седые брови, показавшиеся из-под коричневой повязки на голове.

— Будьте уверены, добыча того стоит. Сюда они прибыли из Библа, и купленное здесь — это лишь крохотная часть всего богатства, — мягкий голос и коварный прищур без того зауженных глаз человека в зелёном передавали собеседникам предвкушение чего-то действительно невероятного.

— Хорошо, — сказал сосед седовласого голосом, привыкшим отдавать приказы. — Но тогда нам нужно выдвигаться немедленно. Конница моего брата за три дня с севера обойдёт обоз и устроит засаду на западе, а мы с отцом и остальными... — говорящий взглянул в глаза седому мужчине справа, — ...нападём на них с тыла.

— Это достаточно умно, сын, — снова заговорил седовласый. — Египтяне любят распределять защиту равномерно по цепочке, чтобы иметь возможность обороняться с любой стороны. А так мы заставим их сосредоточиться, продвинув погонщиков в сторону западни.

Человек в зелёном плаще увидел, как под тканевыми масками у всех троих его собеседников растянулись широкие улыбки. Сам зачинщик нападения тоже широко улыбнулся, обнажив два ряда ровных пожелтевших зубов. Однако следующая фраза молодого мужчины напротив будто стёрла эту улыбку с лица:

— Ты пойдёшь с нами! И если хотя бы часть того, что ты нам рассказал, правда, то через несколько дней ты будешь одним из самых богатых людей Элима.

— Возьми, я не хочу больше есть, — сказала темнокожая женщина лет тридцати пяти молодой девушке рядом, протягивая надкусанный ломтик хлеба и кусочек твёрдого сыра.

Голубоглазая девушка в многослойной тканевой восточной одежде взглянула на еду и, печально улыбнувшись, замотала головой. Женщина, будто предвидевшая отказ, впихнула недоеденную пищу той прямо в руки.

Шёл третий день, как шестерых, купленных на невольничьем рынке, рабынь египтяне везли в одной из повозок караваном на запад. Но только пятерым из них два раза в день выдавали что-то съестное и немного воды. Единственная девушка с белой кожей, не получавшая

совсем ничего, лежала в сторонке, свернувшись калачиком и обхватив руками колени. Внезапно оказавшуюся в руках пищу от сжалившейся соседки девушка с жадностью запихнула в рот и, сев, начала пережёвывать. Садар действительно решил преподать урок непослушной белокожей рабыне. С самого отъезда из Элима его помощник, выдававший порции еды, лишь отрицательно качал головой, глядя в юные девичьи глаза. А сегодня в полдень голубоглазая красавица даже не повернулась к раздатчику во время короткой остановки повозки.

— Меня зовут Мира, а тебя как? — с улыбкой спросила женщина, поделившаяся своей едой.

На её впалых щеках появились две детские ямочки, но шрам от левого века вниз к шее говорил о тяжёлой жизни.

— Сусанна, — ответила девушка, проглотив тщательно пережёванный ароматный сыр. — Но мне больше нравится Сьюзен. Так меня называла когда-то мама, — добавила она, взглянув в большие карие глаза улыбающейся соседки.

— Сусанна означает Белая Лилия. Какое красивое имя! — восхищённо проговорила Мира. — А где твоя семья сейчас? — Ответы девушки только разжигали любопытство темнокожей болтушки.

Лежавшие и сидевшие в плавно двигающейся повозке другие темнокожие девушки тоже стали внимательно разглядывать белую спутницу. Их неприязнь к ней сменилась на любопытство. Ведь, помимо разницы в цвете кожи, только руки Сьюзен всю дорогу не были связаны.

— Мама и две мои младшие сестрёнки живут на севере отсюда. Мой родной город Иевус¹⁴ расположен на холмах с западной стороны изумительного ручья, — мечтательно тихо продолжила отвечать девушка. — Но пять лет назад с юга пришли целые полчища воинов хабиру¹⁵. Иевус выстоял, но мой отец и старший брат погибли, — Сьюзен затихла, и некоторое время было слышно только скрип колёс под деревянным полом и редкое ржание лошадей за пологом телеги.

— Как же ты попала в Элим и стала невольницей? — Нарушила напряжённую тишину другая темнокожая девушка немногим старше самой рассказчицы.

Теперь Сьюзен поняла, что все взгляды были прикованы к ней. Она немного помедлила, собираясь с мыслями, и неохотно стала отвечать:

— Мои отец и брат занимались разведением овец, но, когда их не стало, нам пришлось постепенно продавать скот. Полгода назад мы продали последних. Я узнала, что за долги наш богатый сосед захотел взять пятой женой мою двенадцатилетнюю сестру либо выгнать всех нас на улицу... Но его дядя пообещал заплатить вдвое больше нашего долга, если я соглашусь на невольническую службу.

Девушка впервые улыбнулась, но за этой улыбкой в её глазах блеснул нестерпимый голубой лёд.

¹⁴ древний Иерусалим.

¹⁵ наёмники, не желающие подчиняться какой-либо власти и разоряющие города.

— Позавчера меня продали в четвёртый раз. И я даже представить себе не могла, что моя невинность стоит в десять раз больше тех денег, что получила за меня мама. Спасибо тебе за пищу, Мира, — бегло сказала Сьюзен и, отвернувшись от всех, снова свернулась калачиком на сухой соломе.

Чуть дрогнувший голос девушки в последней фразе заставил других переглянуться и, не беспокоя, дать ей возможность хотя бы выплакаться.

Сквозь навалившуюся полудрёму Сьюзен начала слышать необычайно сильное ржание лошадей и мужские выкрики снаружи их закрытой повозки. Оглядевшись, она увидела, как две девушки прильнули к небольшим прорехам в задней части тканевой завесы.

— Ну что там?! — Не унималась Мира, придерживая другую девушку связанными руками, чтобы та не вывалилась наружу от неожиданного толчка. — Это хабиру? Только они не боятся нападать на хорошо защищённые караваны... — отвечая на свой же вопрос, предположила женщина.

— Да не знаю я, не знаю! — испуганно затараторила смотрящая в просвет девушка. — Мне мешают ещё три повозки позади, но вдалеке я вижу не меньше сотни всадников, и они...

Не успела она договорить, как совсем рядом раздался командный голос Садара, и телега с рабынями резко повернула влево. От неожиданности все девушки покатались на одну сторону, и повозка чудом не опрокинулась набок.

— Держитесь крепче! — закричала Мира, потому что погонщики удвоили скорость своих верблюдов.

Теперь колёса не двигались по наезженной твёрдой почве. Они то подпрыгивали, то утопали в песке, создавая неожиданные рывки. Некоторые девушки под слоем соломы сумели найти щели, чтобы зацепиться за доски пальцами, а остальные пытались держаться за них, прижимаясь к полу.

— Почему мы свернули с дороги? По пескам нам гораздо сложнее будет уходить от преследователей, — трясущимся от качки голосом запричитала одна из рабынь.

В это время Мира, стараясь цепляться за всё подряд, снова подползла к задней части повозки и, рискуя быть выброшенной наружу, выглянула между складками полога. Её глаза расширились, дыхание участилось, и она, словно преследуемая кем-то, вернулась к центру. Переглянувшись по очереди со всеми, женщина выдавила:

— Похоже, все наши защитники во главе с Садаром поскакали навстречу преследователям.

Девушки прекрасно знали, что пустынные разбойники практически никогда не берут пленных. Их интересует только то, что можно продать без риска быть разоблачёнными. И если банда налётчиков одолеет охрану, то из всего каравана в живых останутся только верблюды. Садар тоже это понимал, но за годы путешествий много узнал о поведении и тактике пустынных грабителей. Единственная причина, когда они соглашались напасть, — это полная уверенность в безоговорочном преимуществе своих сил. На горизонте виднелось не больше сотни конных

преследователей, значит, это всего лишь загонщики. Основная ударная сила только ожидала своего часа. И эта сила была, скорее всего, на пути в Мемфис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.